

Стелла. Иоганн Вольфганг Гёте

Драма для любящих

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Стелла.

Цецилия (вначале под именем мадам Зоммер).

Фернандо.

Люция.

Управляющий.

Станционная смотрительница.

Анжен.

Карл.

Почтальон.

Слуги.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

В ПОЧТОВОМ ДОМЕ

Слышен рожок почтальона.

Станционная смотрительница. Карл! Карл!

Входит мальчик.

Мальчик. Чего вам?

Станционная смотрительница. Пропasti на тебя нету, где ты опять застрял? Ступай на улицу! Почтовая карета едет. Проводи сюда пассажиров, возьми их багаж! Да быстрее поворачивайся! Опять надулся?

Мальчик уходит. Станционная смотрительница кричит ему вслед.

Погоди, я еще выбью из тебя лень! Мальчик при почтовой гостинице должен быть шустрым, расторопным. Станет потом такой бездельник хозяином, толку от него никакого. Ежели я и выйду замуж, так только потому, что женщине одной с таким народом не управиться.

Мадам Зоммер. Люция в дорожном платье. Карл.

Люция (с саквояжем в руках, к Карлу). Оставь, мне не тяжело, возьми картонку у моей матушки.

Станционная смотрительница. Ваша слуга, сударыня! Вы рано приехали. Обычно карета прибывает позже.

Люция. Уж очень нам веселый почтарь попался, молодой, красивый, я бы с ним охотно весь свет объездила. А пассажиров было всего нас двое и багажа немного.

Станционная смотрительница. Ежели вам угодно покушать, будьте добры обождать. Обед еще не готов.

Мадам Зоммер. Можно мне попросить немного супа?

Люция. Я-то не спешу! Но, может быть, вы накормите сперва мою матушку?

Станционная смотрительница. Сию минуту.

Люция. Только очень крепким бульоном!

Станционная смотрительница. Самым что ни на есть крепким! (Уходит.)

Мадам Зоммер. Неужели нельзя без приказаний? Кажется, могла бы за путешествие поумнеть! Мы каждый раз платим больше, чем съедаем. И это при наших-то обстоятельствах!

Люция. Мы еще никогда не терпели недостатка.

Мадам Зоммер. Но были очень близки к этому.

Входит почтальон.

Люция. Ну, что скажешь, славный почтарь? За чаевыми пришел, да?

Почтальон. Я же вас, как со спешной почтой, мчал.

Люция. И потому поспешил за чаевыми? Так ведь? Были бы у меня лошади, я бы тебя своим лейб-кучером сделала.

Почтальон. Я и без лошадей к вашим услугам.

Люция. Вот, получи!

Почтальон. Премного благодарен, мамзель! Вы дальше не едете?

Люция. На этот раз нет.

Почтальон. Счастливо оставаться. (Уходит.)

Мадам Зоммер. Я по его лицу видела, что ты слишком много дала.

Люция. Ведь не хотели же вы, маменька, чтобы он остался недоволен. Он всю дорогу был так услужлив! Ежели я, как вы всегда говорите, своевольна, то хоть не своекорыстна.

Мадам Зоммер. Прошу тебя, Люция, пойми меня правильно. Я ценю в тебе прямому не менее, чем веселый нрав и щедрость; но эти добродетели хороши только там, где они уместны.

Люция. Маменька, здесь мне очень нравится. А дом там, напротив, принадлежит, должно быть, той даме, у которой я буду жить в камеристках?

Мадам Зоммер. Меня радует, что место, где ты будешь жить, тебе по душе.

Люция. Верно, здесь очень тихо, это я уже заметила. Прямо как в воскресный день на главной площади! Но у хозяйки дома прекрасный сад, и сама она, говорят, хорошая женщина. Посмотрим, как мы с ней поладим. Что вы все вокруг оглядываете, маменька?

Мадам Зоммер. Ах, оставь меня. Счастливая ты девочка, ничто не наводит тебя на воспоминания! Тогда все было не так, как сейчас. Что может быть для меня тягостнее почтовой станции.

Люция. И всегда-то вы найдете, чем растравить себе душу.

Мадам Зоммер. А разве не всегда есть для этого повод? Милая, ведь все было совсем не так, как сейчас, когда мы с твоим отцом ездили еще вместе, когда мы в лучшую пору нашей жизни, в первые годы брака, наслаждались путешествиями! Для меня тогда все имело очарование новизны. В его объятиях глядеть из экипажа на все время сменяющиеся картины! Тогда каждая мелочь оживлялась для меня его умом, его любовью!..

Люция. Я тоже очень люблю путешествовать.

Мадам Зоммер. И когда после утомительного дня, после непредвиденных случайностей, после тяжелой зимней дороги мы останавливались на ночлег в еще более захудалой почтовой гостинице, чем здешняя, мы вместе наслаждались самыми простыми удобствами, вместе сидели на деревянной скамье, вместе ели дробленую и вареную картошку... Да, тогда было не так, как сейчас.

Люция. Пора уже забыть его.

Мадам Зоммер. Ты понимаешь, что значит: забыть! Милая моя девочка, ты, слава богу, еще не потеряла ничего такого, потерю чего нельзя возместить. С той самой минуты, когда я убедилась, что он меня бросил, жизнь перестала меня радовать. Меня охватило отчаяние. Я потеряла веру в себя, я потеряла веру в бога. Уж и не помню, как все это было.

Люция. И я ничего не помню, помню только, что сидела у вас на кровати и плакала, потому, что плакали вы. Это было в зеленой комнате на маленькой кровати. Больше всего мне было жаль эту комнату, когда нам пришлось продать дом.

Мадам Зоммер. Тебе было семь лет, ты не могла чувствовать, что ты потеряла.

Входят Анхен с супом, станционная смотрительница, Карл.

Анхен. Вот суп, мадам.

Мадам Зоммер. Спасибо, голубушка! Это ваша дочурка?

Станционная смотрительница. Моя падчерица, сударыня, но она такая хорошая, что заменяет мне родную дочь.

Мадам Зоммер. Вы в трауре?

Станционная смотрительница. Три месяца, как я овдовела. А мы и трех лет не прожили вместе.

Мадам Зоммер. Но вы как будто уже немного утешились?

Станционная смотрительница. Ах, сударыня, нашей сестре некогда плакать, некогда, к сожалению, и молиться. Вертишься и в воскресные и в будние дни. Разве только поплачешь, когда пастор скажет проповедь на евангельские слова о смерти или услышишь зауспокойное пение. Карл, принеси салфетки! Накрой на этом конце стола!

Люция. Чей это дом напротив?

Станционная смотрительница. Нашей баронессы. Добрейшей женщины.

Мадам Зоммер. Меня радует услышать от соседки подтверждение тому, в чем меня уверяли очень далеко отсюда. Моя дочь поступает к ней в услужение.

Станционная смотрительница. Вы, мамзель?

Люция. Ну да!

Станционная смотрительница. Я слышала, что она ждет камеристку. Но как вы решились?

Люция. А почему нет, если она приятная особа и мне поправится? Конечно, раз уж приходится идти в услужение, так я хочу к такой, что была бы мне по вкусу.

Станционная смотрительница. Станный был бы у вас вкус, ежели бы она вам не понравилась. Нельзя ее не полюбить с первого же взгляда. Будь моя девочка постарше, я бы такого места не упустила.

Люция. Тем лучше! Когда мне приходится принаравливаться к человеку, надо, чтобы я делала это охотно, от всего сердца, иначе ничего не выйдет.

Станционная смотрительница. Вот вернетесь от нее и скажете, права я была или нет. Жить у баронессы всякий почитает за счастье. Как подрастет моя дочка — пусть хоть несколько лет проживет у нее в прислугах; девочке от этого на всю жизнь польза будет.

Анхен. Вы бы ее только видели! Она такая, такая милая. Вы не поверите, как она вас ждет. И меня она тоже любит. Не хотите пойти к ней? Я бы вас проводила.

Люция. Мне надо сперва переодеться, и поесть хочется.

Анхен. А мне, мамаша, можно пойти? Я скажу баронессе, что мамзель приехала.

Станционная смотрительница. Ступай, ступай!

Мадам Зоммер. И скажи, голубушка, что сразу же, как отообедаем, мы придем засвидетельствовать ей свое почтение.

Анхен уходит.

Станционная смотрительница. Моя дочка очень к ней привязана. И то сказать, лучше нее на свете не сыщешь; вся ее радость в детях. Она учит их рукодельничать, учит петь. Берет в услужение деревенских девушек, обучает их, как ходить за господами; потом подыскивает им хорошее место; вот так и проводит время с тех пор, как ее муж уехал. Просто не понять, как она при всем своем горе такая ласковая, такая хорошая.

Мадам Зоммер. Разве она не вдова?

Станционная смотрительница. Это одному богу известно. Ее супруг три года, как уехал, и о нем ни слуху ни духу. А она его безумно любит. Мой муж как начнет, бывало, о них рассказывать, никак кончить не может. Еще бы! Я и сама говорю, такого сердца на всем свете не сыщешь. Каждый год в тот день, когда она его в последний раз видела, она никого до себя не допускает, сидит запершись, а когда о нем говорит, просто за душу берет.

Мадам Зоммер. Бедная, бедная!

Станционная смотрительница. Толков всяких много ходит.

Мадам Зоммер. О чем?

Станционная смотрительница. Да говорить-то не хочется.

Мадам Зоммер. Я вас очень прошу.

Станционная смотрительница. Вам я скажу, только вы не выдавайте меня. Тому уже больше восьми лет, как они сюда приехали. Они купили здесь поместье; никто их не знал, называли просто господами, его считали офицером, который разбогател на военной службе в чужой стране и желает пожить спокойно. Она была тогда совсем юная, лет шестнадцати, не старше, и прекрасна, как ангел.

Люция. Так теперь ей должно быть не больше двадцати четырех?

Станционная смотрительница. Для своего возраста она пережила много горя. Была у нее девочка, да рано умерла. Похоронили ее в саду, просто зеленый холмик, а с тех пор, как уехал супруг, она построила около усыпальницу и наказала себя там похоронить. Мой

покойный муж были не очень чувствительный и уже в летах, но ни о чем не рассказывал он так охотно, как об их счастье в ту пору, что они жили здесь вместе. «Сам другим человеком становишься только от того, что видишь, как они друг друга любят», — говаривал он.

Мадам Зоммер. И в моем сердце отзывается ее горе.

Станционная смотрительница. Что поделаешь! Толковали, будто у него чудны?е какие-то взгляды. Во всяком случае, в церковь он не ходил, а ежели кто к религии не привержен, в том и бога нет и никаких законов он не соблюдает. Потом стали говорить: «Муж от нее уехал». Уехал и не вернулся.

Мадам Зоммер (про себя). Та же картина, что и у меня!

Станционная смотрительница. Все только об этом и судачили. Я как раз тогда вышла замуж и приехала сюда; в Михайлов день три года будет. И всякий свое болтал, шептались даже, будто они не венчаны. Только не выдавайте меня! Вроде бы — он знатный барин, вроде бы она сбежала с ним. И чего только не говорили. Да, ежели молодая девица решится на такой шаг, ей всю жизнь придется искупать свой грех.

Входит Анхен.

Анхен. Они очень просят вас пожаловать, не откладывая; им желательно только посмотреть на вас, только минутку побеседовать.

Люция. Неприлично являться в дорожном платье.

Станционная смотрительница. Идите, идите! Честное слово, она на это и не посмотрит.

Люция. Ты меня проводишь, девочка?

Анхен. С радостью!

Мадам Зоммер. Люция, на два слова!

Станционная смотрительница отходит в сторону.

Только не проговорись ни о нашем звании, ни о нашей судьбе! Держи себя почтительно.

Люция (тихо). Будьте покойны! Отец был купцом, уехал в Америку, там умер, и потому наши обстоятельства... Будьте покойны; мне уже не впервой повторять эту сказку. (Громко.) Вы, кажется, хотели немного отдохнуть? Вам это необходимо. Хозяюшка отведет вам комнатку с постелью.

Станционная смотрительница. У меня в саду есть как раз уютная, тихая комнатка. (К Люции.) Желаю, чтобы наша баронесса вам понравилась.

Люция и Анхен уходят.

Мадам Зоммер. Моя дочь еще немного самоуверенна.

Станционная смотрительница. Это по молодости лет. С годами наступит предел надменным волнам.

Мадам Зоммер. Тем хуже.

Станционная смотрительница. Если угодно, я провожу вас, мадам.

Обе уходят.

Слышен рожок почтальона.

Фернандо в офицерской форме. Слуга.

Слуга. Прикажете сразу же запрягать и укладывать вещи?

Фернандо. Принеси вещи сюда, я же сказал — сюда. Мы дальше не поедем, слышишь?

Слуга. Не поедем? Вы же изволили говорить...

Фернандо. Я говорю, скажи, чтобы тебе отвели комнату, и отнеси туда мои вещи.

Слуга уходит.

(Подходя к окну.) И вот я снова гляжу на тебя? Упоительная картина! И вот я снова гляжу на тебя! Место моего блаженства! Какая тишина в доме! На террасе, где мы так часто сидели вместе, никого! Видишь, Фернандо, ее дом кажется монастырем, ты можешь ласкать себя надеждой! Неужели она предается воспоминаниям о тебе, коротает время в одиночестве думами о своем Фернандо? Заслужил ли ты это? О, мне кажется, будто я снова пробудился к жизни после долгого, холодного, могильного сна; таким новым, таким значительным представляется мне все. Деревья, фонтан, все, все, как было тогда. Вот так же из этих труб струилась вода, когда я — ох, сколько раз! — стоял в задумчивости рядом с ней у окна и мы оба, погрузившись в свои мысли, молча глядели на бегущую воду! Ее журчание звучит для меня мелодией, мелодией, вызывающей воспоминания. А она? Она, конечно, та же, что и была. Да, Стелла, сердце

говорит мне, что ты не изменилась. Как оно бьется в ожидании встречи с тобой! Но я не хочу, я не смею! Я должен сперва прийти в себя, должен сперва убедиться, что я действительно здесь, что это не грезы, так часто и во сне и наяву переносившие меня сюда из самых дальних краев. Стелла! Стелла! Я иду! Чувствуешь ты, что я здесь, рядом? Иду позабыть обо всем в твоих объятиях! И если ты, дорогая тень моей несчастной жены, витаешь тут, возле, прости, покинь меня! Ты ушла в прошлое, дай мне забыть тебя в объятиях моего ангела, забыть все превратности судьбы, твою утрату, мою боль и раскаяние... Я так близко от нее и так от нее далеко!.. И через минуту... Я не могу, не могу! Я должен прийти в себя, не то я у ног ее задохнусь от волнения.

Входит станционная смотрительница.

Станционная смотрительница. Не угодно ли, сударь, откушать?

Фернандо. У вас есть, чем меня накормить?

Станционная смотрительница. Конечно! Мы ждем одну молодую особу. Она пошла напротив, к баронессе.

Фернандо. Как здоровье баронессы?

Станционная смотрительница. Вы ее знаете?

Фернандо. Несколько лет тому назад я бывал здесь. Что делает ее супруг?

Станционная смотрительница. Одному богу известно. Странствует по свету.

Фернандо. Уехал?

Станционная смотрительница. Ну да! Покинул бедняжку! Да простит ему бог!

Фернандо. Ничего, утешится.

Станционная смотрительница. Вы так думаете? Видно, мало вы ее знаете. Все то время, что я с ней знакома, она живет как монахиня, в полном уединении. Ни посторонние, ни соседи у нее, можно сказать, не бывают. Живет одна со своей прислугой, зовет к себе здешних детей и, невзирая на душевную боль, всегда со всеми обходительна.

Фернандо. Надо ее навестить.

Станционная смотрительница. Обязательно навестите! Иногда она изволит нас приглашать — супругу судьи, пасторшу и меня, и обо всем с нами беседует. Мы, конечно, остерегаемся упоминать о ее супруге. Один-единственный раз обмолвились, только господу богу известно, что с нами было, когда она начала говорить о нем, хвалить его, плакать. Мы все, сударь, как дети, плакали и никак не могли успокоиться.

Фернандо (про себя). Ты это заслужил за нее! (Громко.) Вы указали моему лакею комнату?

Станционная смотрительница. Этажом выше, второй номер. Карл, покажи господину комнату!

Фернандо и Карл уходят.

Входят Люция и Анхен.

Ну как?

Люция. Очаровательная особа. Мы с ней поладим. Вы не преувеличили. Она не отпускала меня. Я должна была ей твердо обещать, что сразу же после обеда мы с маменькой и со всем нашим багажом придем к ней.

Станционная смотрительница. Я так и думала! А теперь не угодно ли откушать? Сейчас приехал красивый высокий офицер, ежели он вас не стеснит...

Люция. Нисколько. С военными я больше, чем со всеми прочими, люблю иметь дело. Они, по крайней мере, не притворяются, так что с первого взгляда знаешь, кто хороший, а кто плохой. Маменька спит?

Станционная смотрительница. Не знаю.

Люция. Пойду взгляну. (Уходит.)

Станционная смотрительница. Карл! Опять позабыл поставить солонку! Посмотри на стаканы! Это называется вымыты? Надо бы их разбить о твою голову, да ты не стоишь того, что стоит стакан.

Входит Фернандо.

Та особа вернулась. Она сейчас сядет за стол.

Фернандо. Кто она?

Станционная смотрительница. Не знаю. На вид из хорошей, но несостоятельной семьи. Она будет жить в камеристках у баронессы.

Фернандо. Вы говорите, молодая?

Станционная смотрительница. Совсем молоденькая и бедовая. Ее матушка тоже здесь.

Входит Люция.

Люция. К вашим услугам!

Фернандо. Я счастлив сидеть за столом в таком приятном обществе.

Люция кланяется.

Станционная смотрительница. Сюда, мамзель! А вы, будьте любезны, сюда!

Фернандо. А вы, хозяйюшка, не окажете нам честь?

Станционная смотрительница. Где мне сидеть сложа руки, — тогда и все в доме сложат руки. (Уходит.)

Фернандо. Значит — tete-a-tete!

Люция. И между нами стол, — одобряю.

Фернандо. Вы решили поступить в камеристки к баронессе?

Люция. Приходится!

Фернандо. А ведь вам нетрудно было бы найти компаньона более увлекательного, чем баронесса.

Люция. Мне он не нужен.

Фернандо. Совершенно честно?

Люция. Сударь, я замечаю, вы такой же, как и все мужчины.

Фернандо. То есть?

Люция. То есть вы очень самоуверенны. Все вы, мужчины, считаете, что без вас не обойтись. Уж не знаю, я-то ведь выросла без мужчин.

Фернандо. У вас уже нет отца?

Люция. Я, можно сказать, почти не помню, что у меня был отец. Я была маленькой, когда он нас оставил, поехал в Америку, и, как мы слышали, его корабль потонул.

Фернандо. И вы так равнодушно об этом говорите?

Люция. А как еще я могу говорить о нем? Он ничем не поступил из любви ко мне; и хотя сейчас я и простила ему, что он нас бросил, — ведь ничего не может быть для человека дороже свободы, — но все же я бы не хотела быть на месте моей матушки, она убита горем.

Фернандо. И вам не на кого опереться, не у кого искать помощи?

Люция. А зачем? Наше состояние с каждым днем становится все меньше, зато я с каждым днем становлюсь все больше. Я не боюсь, что не смогу прокормить свою мать.

Фернандо. Меня поражает ваше мужество!

Люция. Ах, сударь, мужество приобретается. Когда часто чувствуешь себя на краю гибели и всякий раз удается спастись, начинаешь верить в свои силы!

Фернандо. А поделиться этой уверенностью со своей матушкой вы не можете?

Люция. К сожалению, она его потеряла, а не я. Я благодарна отцу уже за то, что родилась, я люблю жизнь и радуюсь ей. Но матушка... ведь ему она отдала все надежды, ему в жертву принесла цвет своей юности и теперь покинута, покинута так внезапно... Чувствовать себя покинутой — это, должно быть, ужасно!.. Я еще ничего не потеряла, судить об этом я не могу... Вы как будто задумались?

Фернандо. Да, дорогая, кто живет, тот теряет (вставая), но он и приобретает. Дай вам бог сохранить мужество! (Берет ее руку.) Вы удивили меня. О, дитя мое, какое счастье!.. Мне тоже пришлось так много, так часто терять... и надежды... и радости... Ведь всегда... И...

Люция. Что вы хотите сказать?

Фернандо. Всего хорошего! Самые лучшие, самые теплые пожелания вам счастья! (Уходит.)

Люция. Что за странный человек! Но, кажется, хороший!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Стелла. Слуга.

Стелла. Ступай, ступай туда поскорее. Скажи, я жду ее.

Слуга. Они обещались сейчас же прийти.

Стелла. Ты же видишь, она не пришла. Девушка очень мне полюбилась. Ступай!.. И ее матушку тоже проси!

Слуга уходит.

Кажется, я просто не дождусь ее. Сколько желаний, сколько надежд связано с появлением нового человека столь приятного облика! Стелла! Ты ребенок. А разве мне запрещено любить?.. Чтобы заполнить пустоту сердца, мне надо так много! Так много? Бедняжка Стелла! Так много? Прежде, когда он еще любил тебя, когда еще лежал в твоих объятиях, его взглядом была полна твоя душа и... о, отец наш небесный! Пути твои неисповедимы. Когда я, оторвавшись от его поцелуев, обращала взоры к тебе, когда сердце мое пылало у его сердца, когда я трепетными устами вливала его большую душу, а затем со слезами блаженства устремляла взор в небеса и от полноты сердца молила тебя: «Отче, оставь нам наше счастье! Ты дал нам столько счастья!» Но на то не было твоей воли. (Впадает в минутную задумчивость, затем быстро поднимается и прижимает обе руки к сердцу.) Нет, Фернандо, нет, это не упрек!

Входят мадам Зоммер и Люция.

Наконец-то вы тут! Милая девочка, теперь ты моя... Мадам, благодарю вас за доверие, с которым вы отдаете в мои руки ваше сокровище. Милая моя упрямец, добрая своевольная душа. О, я уже узнала тебя, Люция.

Мадам Зоммер. Вы чувствуете, что я отдаю, что я оставляю вам.

Стелла (после паузы, во время которой она вглядывается в мадам Зоммер). Простите! Мне рассказали вашу историю; я знаю, что передо мной особа из хорошей семьи; но с первого же взгляда вы поразили меня. Я чувствую к вам доверие и глубокое уважение.

Мадам Зоммер. Сударыня...

Стелла. Не возражайте! Что у меня на сердце, то и на устах. Я слышала, вы нездоровы. Как вы себя чувствуете? Прошу вас, садитесь!

Мадам Зоммер. Ах, сударыня, путешествие весной, перемена обстановки и чистый благодатный воздух, и раньше так часто дававший мне силы, — все это оказало такое хорошее, такое отрадное действие, что даже воспоминание об ушедших радостях было мне приятно, в моей душе забрезжили отблески золотой поры юности и любви.

Стелла. Ах, эти дни, эти первые дни любви!.. Нет, золотая пора, ты не отлетела на небеса! Ты еще витаешь у каждого сердца в те минуты, когда в нем раскрывается цветок любви.

Мадам Зоммер (беря ее руки). Какие возвышенные, какие прекрасные слова!

Стелла. Ваше лицо сияет, как лик ангела. Ваши щеки порозовели!

Мадам Зоммер. А сердце! Как оно переполнено, как раскрывается перед вами!

Стелла. Вы любили! О, слава богу! Вы понимающая меня душа. Вы можете мне сочувствовать! Не взираете холодно на мои горести!.. Мы же не виноваты, раз мы такие!.. Чего только я не делала, за что только не бралась! Разве это помогло! Сердце жаждало только этого... одного этого... не суетного света и вообще ничего другого на всем свете... Ах, любимый всегда и везде с тобой, и все помыслы только о любимом.

Мадам Зоммер. Само небо говорит вашими устами.

Стелла. Не успею опомниться, как его образ опять передо мной!.. Вот так, будучи где-либо в гостях, он оглянулся и посмотрел на меня... вот так он скакал на коне по полю и у калитки бросался мне в объятия... Я видела, как он уезжал отсюда, уезжал... и вновь возвращался, возвращался к той, что ждала его!.. Обращусь ли я мысленно к шумному свету — и там опять он! Сидя в ложе, я знала, что, вижу ли я его или нет, все равно, где бы он ни сидел, он с любовью следит за каждым моим движением — как я встаю, как сажусь! Я чувствовала, что покачивание моего зрета привлекает его сильнее, чем сверкающие вокруг глаза, и что музыка для него только повторяет мелодию его сердца, печную его песню: «Стелла, Стелла! Как я люблю тебя!»

Люция. Любить так друг друга — разве это возможно?

Стелла. Ты спрашиваешь, девочка? Ответить тебе я не могу... Но чем я вас занимаю!.. Пустяками... Значительными пустяками... Поистине мы взрослые дети, и как это отратно... Совсем как дети — закроют лицо фартучком и кричат: «Ку-ку!» — чтобы их искали!.. И как переполняется сердце, когда ты, обидевшись, рещаешься сгоряча покинуть предмет своей любви. С какими терзаниями, в каком изнеможении встречаешься ты с ним снова, как вздымается у тебя грудь и как все проходит от одного взгляда, от одного прикосновения его руки!

Мадам Зоммер. Счастливая! В ваших чувствах столько молодости, чистоты, столько человеколюбия!

Стелла. Тысячелетия слез и скорби не могут перевесить блаженства первых взглядов, трепета, робкого шепота, близости, покорности... самозабвения... первого быстрого, обжигающего поцелуя и успокоенных вздохов первого объятия... Сударыня, дорогая моя, вы

задумались! Где сейчас ваши мысли?

Мадам Зоммер. Ах, мужчины, мужчины!

Стелла. Они дают нам счастье и муки! Каким предвкушением блаженства переполняют они наше сердце! Какие новые незнакомые чувства и надежды зарождаются в душе, когда их бурная страсть передается каждому нашему нерву! Как часто все во мне трепетало, отзывалось на те потоки слез, что он проливал у меня на груди, оплакивая страждущее человечество! Я молила его ради всего святого пощадить себя... пощадить меня!.. Напрасно! До мозга костей проникал в меня тот пламень, что сжигал его. Вот так я еще совсем юным созданием вся целиком превратилась в сочувствующее сердце. Где, в какой стране могу я ныне жить и дышать, где могу найти пищу для сердца!

Мадам Зоммер. Мы верим мужчинам! В минуты страсти они обманывают сами себя; как же можем не быть обманутыми мы?

Стелла. Мадам! Мне в голову пришла счастливая мысль. Будем друг для друга тем, чем должны были стать для нас они! Будем жить вместе!.. Дайте вашу руку!.. С этой минуты я вас не отпущу!

Люция. Нет, это не годится!

Стелла. Почему, Люция?

Мадам Зоммер. Моя дочь чувствует...

Стелла. Надеюсь, не желание облагодетельствовать? Разве вам непонятно, что, оставшись здесь, вы окажете благодеяние мне! О, я не могу жить одна! Дорогая, я делала все, обзавелась птицей, купила ланей, собак; я учу девочек вязать, плести бахрому, только бы не быть одной, только бы видеть около себя кого-то, кто живет и растет. Но иногда мне улыбается счастье, и радостным весенним утром мне кажется, будто какое-то доброе божество сняло с моей души горе; я просыпаюсь умиротворенная, и когда солнышко освещает цветущие деревья, чувствую себя бодрой, готовой деятельно приняться за дневные заботы, и на душе у меня хорошо; какое-то время я хлопочу, убираю, навожу порядок, даю распоряжения прислуге и, позабыв горести, от всего сердца благодарю небо за дарованные мне счастливые часы.

Мадам Зоммер. Да, да, сударыня, я это знаю! Деятельность и добрые дела — дары неба, замена несчастной любви.

Стелла. Замена? Нет, не замена, скорее — возмещение, вот с этим я согласна... Что-то вместо утраченного, но не сама утрата... Утраченная любовь! Где найти для нее замену? Когда я, погруженная в думы, брожу иногда по саду при свете луны, вызываю в памяти любезные сердцу картины прошлого и мечтаю о будущем, исполненном надежд, мною вдруг овладевает мысль, что я одна, что я напрасно протираю руки, напрасно от избытка чувств со всей силой души призываю очарование любви, словно думаю, будто могу принудить луну сойти с неба... Но я одна, и ничей голос не отзывается из кустов, и ясные звезды холодно взирают с высоты на мои муки! И тут вдруг я вижу у своих ног могилу моего ребенка!..

Мадам Зоммер. У вас был ребенок?

Стелла. Да, моя дорогая! О, боже, ты на всю жизнь уготовал мне чашу страданий, дав только вкусить от блаженства материнства... Когда какой-нибудь босоногий крестьянский малыш бежит мне навстречу, широко открыв невинные глазки, и посылает воздушные поцелуи, боль пронзает меня до мозга костей. Такой большой была бы теперь моя Мина! И, трепеща от любви, я беру ребенка на руки, целую его еще и еще; сердце у меня разрывается, слезы текут из глаз, и я спасаюсь бегством!

Люция. Но насколько же меньше у вас хлопот.

Стелла (улыбается и похлопывает ее по плечу). Как я могу еще что-нибудь чувствовать!.. Как не убили меня эти ужасные минуты!.. Она лежала передо мной! Сорванный нераспустившийся бутон! А я стояла, окаменев... ничего не чувствуя... ничего не сознавая... Я стояла!.. Тут няня взяла девочку на руки, прижала к сердцу и вдруг крикнула: «Она жива!» Я бросилась к ней на шею, схватила ребенка, обливаясь слезами, и упала к ее ногам... Она обманулась! Девочка лежала мертвая, и я лежала рядом в безумном отчаянии. (Бросается в кресло.)

Мадам Зоммер. Гоните воспоминания о таких горестных минутах!

Стелла. Нет, нет, мне легче, мне гораздо легче, сердце мое опять открылось, я могу высказать все, что так тяготит меня!.. Да, когда я вдруг начинаю говорить о нем, о том, кто был для меня всем... кто... Я должна показать вам его портрет!.. Его портрет!.. Мне думается, что облик человека сам лучше всего расскажет о нем, лучше всего поможет его понять.

Люция. Меня разбирает любопытство.

Стелла (открывает дверь в будуар и вводит их туда). Сюда, сюда, мои дорогие!

Мадам Зоммер. О, боже!

Стелла. Вот он!.. Вот он!.. И все же в жизни он в тысячу раз лучше, чем тут. Это его лоб, его черные глаза, его каштановые кудри, его серьезный взгляд!.. Но, ах, на портрете не выразить всю любовь, всю нежность его душевных излияний!.. Только ты, мое сердце, только ты это чувствуешь!

Люция. Мадам, я поражена!

Стелла. Он настоящий мужчина!

Люция. Я хочу вам сказать, что сегодня в почтовом доме обедала за одним столом с офицером, похожим на этого господина... О, это он! Клянусь жизнью, он!

Стелла. Сегодня? Ты обманываешь и себя и меня!

Люция. Да, сегодня! Только тот был старше, смуглее, загорел на солнце. Это он! Это он!

Стелла (дергает звоночек). Люция, у меня разрывается сердце. Я побегу туда!

Люция. Это неприлично!

Стелла. Неприлично? О, сердце, сердце мое!

Входит слуга.

Вильгельм, скорее туда, на почтовую станцию, да, туда! Там офицер... Это, может быть... это должен быть... Люция, объясни ему... Вильгельм, пусть он придет сюда.

Люция. Ты знал здешнего помещика?

Слуга. Как себя самого.

Люция. Так вот, иди в почтовый дом. Там приезжий офицер, разительно похожий на здешнего хозяина. Посмотри, ошибаюсь я или нет. Ручаюсь, что это он.

Стелла. Скажи ему, пусть придет, пусть придет. Поскорей, поскорей! Только бы пережить эти минуты... Ах, был бы он уже у меня... в этих... в этих... Ты сама себя обманываешь, это невысказано!.. Оставьте меня, дорогие мои! Оставьте меня одну!

Она затворяет за собой дверь будуара.

Люция. Что с вами, маменька? Вы так бледны!

Мадам Зоммер. Это последний день моей жизни. Сердце не выдержит! Все, все сразу!

Люция. Боже праведный!

Мадам Зоммер. Муж... портрет... он тот, кого она ждет... кого любит! Это мой муж!.. Это твой отец!

Люция. Маменька! Родная моя маменька!

Мадам Зоммер. И он здесь! Еще несколько минут, и... он упадет в ее объятия... А мы... Люция, нам надо уехать!

Люция. Уедем, куда вам угодно!

Мадам Зоммер. Тотчас же!

Люция. Идите в сад! А я побегу на почтовую станцию. Ежели карета еще там, мы можем, не прощаясь, потихоньку... пока она, опьяненная счастьем...

Мадам Зоммер. В блаженстве оттого, что они свиделись, обнимает его... его! А я в ту минуту... когда вновь обрела его... навеки... навеки!..

Входят Фернандо и слуга.

Слуга. Пожалуйста сюда! Вы позабыли, где ваш кабинет? Баронесса не помнит себя от радости! Какое счастье, что вы опять здесь!

Фернандо проходит, не замечая их.

Мадам Зоммер. Это он, он!.. Я пропала.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Радостная Стелла входит вместе с Фернандо.

Стелла (обращаясь к стенам). Он снова здесь! Вы видите его? Он снова здесь! (Подходя к картине, на которой изображена Венера.) А ты, богиня, ты видишь его? Он снова здесь! Как часто я, глупая, металась, плакала, жаловалась тебе! Он снова здесь! Я не верю себе! Как часто, богиня, я видела тебя, а его здесь не было... Теперь ты здесь, и он тоже здесь!.. Любимый! Любимый! Тебя долго не было... но теперь ты здесь! (Бросаясь ему на шею.) Ты здесь! Я хочу чувствовать, слышать, знать только одно, только то, что ты снова здесь!

Фернандо. Стелла, моя Стелла! (Обнимая ее.) Господи, ты снова даровал мне слезы.

Стелла. О, мой любимый!

Фернандо. Стелла! Дай мне снова упиться твоим милым сердцу дыханием, твоим дыханием, более отрадным, более живительным для

меня, чем небесный эфир!

Стелла. Милый!

Фернандо. Вдохни от полноты сердца в эту иссохшую, опустошенную, разбитую грудь новую любовь, новые восторги! (Впивается поцелуем в ее уста.)

Стелла. Ненаглядный!

Фернандо. Какая отрада! Какая отрада! Воздух, которым ты дышишь, напоен радостной, молодой жизнью. Любовь и верность — вот те цепи, что удержат здесь закоснелого бродягу.

Стелла. Мечтатель!

Фернандо. Ты не чувствуешь, что значит небесная роса для жаждущего, который из безводных сыпучих песков светской пустыни вернулся в твои объятия.

Стелла. Не чувствую, Фернандо, блаженства несчастного, который снова прижимает к сердцу свою заблудшую, потерянную, единственную овечку?

Фернандо (у ее ног). Стелла!

Стелла. Встань! Встань, дорогой! Я не могу видеть тебя на коленях.

Фернандо. Оставь! Я же всегда на коленях пред тобой, мое сердце всегда преклоняется перед твоей беспредельной любовью и добротой!

Стелла. Ты снова со мной!.. Я не узнаю, не понимаю себя! А, в сущности, не все ли равно?

Фернандо. Все снова, как в первые блаженные минуты. Ты в моих объятиях, с твоими поцелуями я впиваю уверенность в твоей любви, я пьянею, не знаю, явь это или сон.

Стелла. Ах, Фернандо, мне кажется, ты не стал благоразумнее.

Фернандо. Упаси боже!.. Но от блаженных минут в твоих объятиях я добрею, становлюсь кротким... и могу молиться, потому что счастлив.

Стелла. Да простит тебе господь, что ты такой грешник... и такой хороший. Да простит тебе господь, сотворивший тебя... таким непостоянным и таким верным! Когда я слышу твой голос, я сейчас же опять думаю — ведь это тот Фернандо, который любил только меня одну!

Фернандо. А я, когда я испытующим оком впиваюсь в твои голубые ласковые глаза, я думаю, что за время моего отсутствия они хранили мой, только мой образ.

Стелла. И ты не ошибаешься.

Фернандо. Не ошибаюсь?

Стелла. Я бы призналась!.. Разве в первые же дни моей страстной любви к тебе я не призналась во всех увлечениях, когда-либо затронувших мое сердце? И разве от этого я не стала тебе еще милей?

Фернандо. Ты ангел!

Стелла. Что ты так смотришь на меня? Я постарела, да? Горе стерло цвет с моих щек, да?

Фернандо. Моя роза! Мой нежный цветок! Моя Стелла!.. Что ты качаешь головой?

Стелла. И за что только вас так любят! И за что только прощают вам то горе, которое вы нам причиняете?!

Фернандо (глядя ее локоны). Ты поседела от этого?.. Твое счастье, что волосы у тебя белокурые! И они как будто не поредели. (Он вытаскивает гребень у нее из прически, и волосы рассыпаются по спине.)

Стелла. Шалун!

Фернандо (накручивая ее волосы себе на руки). Ринальдо снова в прежних оковах!

Входит слуга.

Слуга. Сударыня!

Стелла. В чем дело? Чем ты недоволен, почему хмуришься? Ты же знаешь, когда я счастлива, недовольный вид для меня смерть.

Слуга. Простите, сударыня, — обе приезжие дамы собираются в дорогу.

Стелла. Собираются в дорогу? Ах!

Слуга. Так точно. Я видел, как дочь пошла на почтовую станцию, вернулась сюда, говорила с мамашей. Я спросил на станции в чем дело и услышал, что они спешно заказали почтовых лошадей, потому как почтовая карета уже уехала. Я говорил с ними. Мамаша вся в слезах, попросила меня тайком отнести их одежду на почтовую станцию и передать вам тысячу добрых пожеланий; им никак нельзя остаться.

Фернандо. Это та дама, что приехала сегодня вместе с дочерью?

Стелла. Я хотела взять дочь в камеристки и мать тоже оставить у себя. И надо же, Фернандо, чтобы именно сейчас на меня свалились эти неполадки!

Фернандо. С чего это они так?

Стелла. Кто знает! Я не могу, не хочу ничего знать. Лишиться их мне бы не хотелось... Ведь ты теперь со мной, Фернандо!.. В такие минуты мне этого не выдержать! Фернандо, поговори с ними ты!.. И надо же, чтобы именно сейчас, сейчас!.. Генрих, попроси сюда мать.

Слуга уходит.

Поговори ты с ней, Фернандо! Пусть чувствует себя свободно. А я пойду в боскет. Ты тоже приходи туда, да, приходи туда! Соловушки мои, вы опять увидите его!

Фернандо. Любовь моя!

Стелла (обнимая его). Ты ведь скоро придешь?

Фернандо. Сейчас же, следом за тобой.

Стелла уходит.

Ангел небесный! Как радостно, как свободно дышится в ее присутствии! Фернандо, узнаешь ли ты себя? Все, что стесняло тебе грудь, исчезло; все опасения, все тревожные мысли о прошлом, о том, что было — и что будет! Неужели вы опять тут? И все же, Стелла, когда я гляжу на тебя, когда держу твою руку, тогда исчезает все, меркнут в моей душе все остальные образы.

Входит управляющий.

Управляющий (целуя ему руку). Вы вернулись?

Фернандо (отнимая руку). Да, вернулся.

Управляющий. Дозвольте, дозвольте мне... Ах, сударь!..

Фернандо. Ты счастлив?

Управляющий. Жена моя здорова, у меня двое детей, и вы вернулись!

Фернандо. Как вы хозяйничали?

Управляющий. Так, что готов хоть сейчас дать отчет... Вы удивитесь, как улучшилось хозяйство. Дозвольте спросить, как вам жилось?

Фернандо. Тс!.. Сказать тебе все? Ты это заслужил, давний соучастник моих сумасбродств.

Управляющий. Еще слава богу, что вы не были атаманом цыганской шайки; одно ваше слово — и я все спалил бы, сжег дотла. А теперь-то вы не уедете? Положете конец бродячей жизни? Я, как обзавелся женой и детьми, чувствую себя очень даже приятно в этом уголке земли, а ведь прежде мне всюду было тесно. Правда, вы...

Фернандо. Пожалуйста, без упреков!

Управляющий. Я хотел сказать, что после такой долгой разлуки наша милая женушка, надо надеяться, снова...

Фернандо. Ах, Мина, Мина, девочка моя!

Управляющий. Ну, ну! Господь подарит вам еще ребенка. И вы его не потеряете, никуда не уедете, станете вместе с нами усердствовать в сельском хозяйстве. Ведь в конце концов что толку постоянно что-то искать, куда-то стремиться, чем-то бахвалиться?

Фернандо. Ты не разучился еще наставлять?

Управляющий. А почему, государь мой, мне нельзя высказать то, что у меня на сердце? Простите, но я помню, что прошло всего два-три года, как хорошая, милая наша Цецилия стала вашей супругой, а вас уже словно червь точил, все было не по вас, вы чувствовали себя скованным, связанным, хватались за свободу.

Фернандо. Вот это я охотно слушаю.

Управляющий. Разве это неправда?

Фернандо. Хорошо, хорошо!

Управляющий. Помню, что вы доверились мне и в припадке раздражения сказали: «Франц, я должен уехать! Надо быть дураком, чтобы позволить себя связать! Такое состояние лишает меня сил, такое состояние подавляет свободу духа, стесняет меня. Во мне столько всего заложено! Столько еще не развернувшихся задатков! Мне надо прочь отсюда... помотаться по белу свету!»

Фернандо. Верно!

Управляющий. Я не понимал, что вам было нужно, а теперь понимаю; мы объездили белый свет, порхали там и тут, туда и сюда, и под конец не знали, что делать с этой свободой духа, куда деваться от скуки, и, чтоб не пустить себе пулю в лоб, пришлось нам опять связать себя по рукам и ногам.

Фернандо. Чудак человек!

Управляющий. Теперь нашим силам была предоставлена полная свобода.

Фернандо. Трус!

Управляющий. Вот тут-то задатки и развернулись.

Фернандо. Ты понимаешь, над чем ты издеваешься?

Управляющий. Над тем, что вы так часто говорили, но никогда не выполняли, над тем, о чем вы мечтали и никогда не находили, а часто даже и не искали. (Уходит.)

Входит слуга.

Слуга. Мадам Зоммер!

Фернандо. Проси!

Слуга уходит.

(Один.) Эта женщина наводит меня на грустные мысли. Значит, на свете нет ничего совершенного, ничего чистого! Несчастливая женщина! Мужество ее дочери расстроило меня, как же отзовется в моем сердце горе матери!

Входит мадам Зоммер.

(Про себя.) Боже мой! Надо же, чтобы всем своим обликом она напомнила мне о моем проступке. Ах, сердце, сердце! Ежели тебе дано так чувствовать и в то же время так поступать, почему же тебе не дано простить себе то, что случилось?.. Тень моей жены!.. О, где только не мерещится мне она! (Громко.) Мадам!

Мадам Зоммер. Что вам угодно, сударь?

Фернандо. Мне бы хотелось, чтобы вы составили компанию моей Стелле и мне. Прошу вас, садитесь!

Мадам Зоммер. Видеть того, кто в горести, тому, кто счастлив, тягостно, но — ах! — насколько же тягостнее видеть счастливого тому, кто в горести.

Фернандо. Я вас не понимаю. Неужели вы могли не оценить Стеллу! Ведь она — сама любовь, она ангел!

Мадам Зоммер. Сударь, я хотела уехать тайно! Не удерживайте меня!.. Я должна уехать. Поверьте, у меня есть на то причины! Прошу вас, не удерживайте меня!

Фернандо (про себя). И голос и облик! (Громко.) Мадам! (Отворачивается.) Боже, это моя жена! (Громко.) Простите! (Быстро уходит.)

Мадам Зоммер (одна). Он узнал меня!.. Боже, благодарю тебя, что в такие минуты ты укрепил мое сердце!.. Неужели я, чье сердце разбито, растерзано, могу держаться так спокойно, так мужественно в этот столь значительный для меня час? Благодостный, вечный о нас печальник, ты ничего не отнимаешь у нашего сердца, не сохранив ему до нужной минуты того, что ему всего нужнее.

Фернандо возвращается.

Фернандо (про себя). Неужели она меня узнала? (Громко.) Прошу вас, мадам, заклинаю, откройте мне ваше сердце!

Мадам Зоммер. Мне пришлось бы рассказать, какая постигла меня судьба. Разве можете вы быть расположены выслушивать жалобы и сетования несчастной в день, когда вам вновь даны все радости жизни, когда вы вновь дали все радости жизни достойнейшей из женщин! Нет, сударь, не удерживайте меня!

Фернандо. Молю вас!

Мадам Зоммер. Как охотно избавила бы я от этого и вас и себя! Воспоминания о первой счастливой поре моей жизни причиняют мне смертельную боль.

Фернандо. Вы не всегда были несчастны?

Мадам Зоммер. Тогда я не была бы до такой степени несчастна сейчас. (После недолгого молчания, облегченно вздохнув.) Юность у

меня была легкой и радостная. Не знаю, что влекло ко мне мужчину, очень многие завоевать мое расположение. К очень немногим я чувствовала дружбу, симпатию, но не было ни одного, с кем бы мне хотелось связать свою судьбу. Так весело дружной чредой текли счастливые розовые дни. И все же чего-то мне не доставало. Когда я глубже вглядывалась в жизнь, когда догадывалась, что нам суждены и радость и горе, — тогда я мечтала о муже, спутнике жизни, который за ту любовь, что я подарю ему от всего своего юного сердца, и в старости будет мне другом, заступником, заменит родителей, с которыми я расстанусь ради него.

Фернандо. И что же?

Мадам Зоммер. Ах, я встретила такого человека! Встретила человека, на которого в первые же дни знакомства возложила все свое упование! Казалось, его живой ум так тесно связан с верностью сердца, что очень скоро я открыла ему свою душу и подарила его дружбой, а затем — ах, как скоро затем — и любовью. Когда его голова покоилась у меня на груди, казалось, он возносит благодарение господу богу за уготованное ему прибежище в моих объятиях! Как спасался он у меня от водоворота дел и суетных развлечений и какое утешение в тяжелые минуты находила я в его объятиях!

Фернандо. Что же могло нарушить столь любящий союз?

Мадам Зоммер. Ничто не вечно!.. Ах, он любил меня, любил, это так же несомненно, как то, что я любила его. Было время, когда все его думы, все помыслы были только об одном: видеть, что я счастлива, дать мне счастье. Ах, это было самое легкое время нашей жизни, первые годы брака. Тогда нас угнетало, словно подлинное несчастье, если, случится, мы вдруг повздорим или соскучимся. Ах, он был моим спутником на скромной жизненной стезе, а потом бросил одну в унылой, страшной пустыне.

Фернандо (все в большем смущении). Как же так? При его взглядах, при его сердце?

Мадам Зоммер. Разве мы знаем, что бьется в груди у мужчины?.. Я не замечала, что мало-помалу все становилось ему... как бы это выразить... Нет, не безразличней... этого я не могу сказать. Он все время, все время любил меня! Но ему мало было моей любви. Я должна была делить его с его желаниями, возможно, с соперницей; я упрекала его, и под конец...

Фернандо. Неужели он мог?..

Мадам Зоммер. Он покинул меня. Для моего горя нет слов. В ту минуту всем моим надеждам пришел конец. В ту минуту, когда я думала пожать плоды отданной ему юности... я покинута!.. покинута!.. Все, что дает силы сердцу человека, — любовь, доверие, почет, положение, с каждым днем растущее благосостояние, мечты о многочисленном, хорошо обеспеченном потомстве, все, все рухнуло, а я... и оставшийся горестный залог нашей любви... Неистовое отчаяние сменила смертельная тоска, во всем изверившееся сердце уже не обливалось слезами, оно дошло до полного изнеможения. На неудачи, разорившие меня, несчастную, покинутую женщину, я не обращала внимания, не чувствовала их, пока наконец...

Фернандо. Как он виноват!

Мадам Зоммер (со сдержанной печалью). Он не виноват... Я жалею мужчину, всем сердцем привязавшегося к девушке.

Фернандо. Мадам!

Мадам Зоммер (стараясь скрыть свое волнение под легкой насмешкой). Нет, это так. Я смотрю на него, как на пленника. Они и сами говорят, что это так. Из своего мира он вовлекается в наш, с которым, по существу, у него нет ничего общего. В течение какого-то времени он сам себя обманывает, и горе нам, когда у него откроются глаза!.. Под конец я стала для него просто добросовестной, рачительной хозяйкой, правда, всей душой к нему привязанной, угождающей, заботливой, все свое время отдающей дому, ребенку и, разумеется, занятой кучей мелочей, которыми у меня часто бывали забиты и сердце и голова; и я уже не могла быть занимательной собеседницей, а при живости его ума он неминуемо должен был скучать в моем обществе. Он не виноват!

Фернандо (у ее ног). Я виноват!

Мадам Зоммер (обнимает его, проливая потоки слез). Ты мой!..

Фернандо. Цецилия!.. Жена моя!..

Цецилия (отвернувшись от него). Нет, не мой. Ты покинешь меня, сердечный друг!.. (Снова обнимая его.) Фернандо! Чей бы ты ни был, дай мне выплакать горе у тебя на груди! Поддержи меня в это мгновение, а потом оставь навсегда!.. Я не твоя жена!.. Не отталкивай меня!..

Фернандо. Боже мой!.. У меня на щеках твои слезы... У моего сердца бьется твое сердце!.. Пощади! Пощади меня!

Цецилия. Мне ничего не надо, Фернандо!.. Только это мгновение!.. Дай моему сердцу излиться в слезах! Оно почувствует силу, свободу. Ты не должен себя связывать.

Фернандо. Я скорее лишу себя жизни, чем расстанусь с тобой!

Цецилия. Мы снова свидимся, но не тут, не на земле! Ты принадлежишь другой. Похитить тебя у нее я не могу!.. Открой, открой мне небо. Дай заглянуть в эту блаженную даль, в обитель вечного нашего бытия... Только в этом, только в этом одном мое утешение в такие ужасные минуты.

Фернандо (обнимает ее и, глядя на нее, берет ее руку). Ничто, ничто на свете не разлучит нас. Я снова нашел тебя.

Цецилия. Нашел то, чего не искал!

Фернандо. Не говори, не говори так!.. Я искал тебя, тебя, мою покинутую, мою дорогую! Даже здесь, в объятиях этого ангела, я не знал покоя, не знал радости. Все напоминало мне о тебе, о твоей дочери, о моей Люции. Боже мой! Какая радость! Неужели это милое существо — моя дочь?.. Я искал тебя повсюду. Я езжу уже три года. Я был в том месте, где мы жили с тобой, был в нашем доме, но — увы! — он уже совсем не тот, им владеют чужие люди, — я узнал печальную историю о потере тобой всего состояния. Твое исчезновение разбило мне сердце. Ты исчезла бесследно. Я сам себе опостылел, жизнь опостылела мне, и я облачился в этот мундир, стал служить в чужих войсках, помогал подавлять умирающую свободу благородных корсиканцев; и вот теперь, после долгого и непонятного заблуждения мы свиделись, я опять обнимаю тебя, моя дорогая, моя хорошая, моя жена!

Входит Люция.

О, моя дочь!

Люция. Милый, любимый отец! Если вы опять стали мне отцом!

Фернандо. Навсегда и навеки!

Цецилия. А Стелла?

Фернандо. Медлить нельзя. Бедняжка! Почему, почему, Люция, мы не узнали друг друга сегодня утром! Сердце что-то говорило мне, ты же видела, как я был растроган, когда прощался с тобой?! Почему же, почему? Мы были бы избавлены от многого! А Стелла? Мы бы избавили ее от тягостных переживаний!.. Нам надо уехать. Я скажу ей, что вы настаиваете на отъезде, не хотите затруднить ее прощанием, хотите уехать. Люция, отправляйся, не медля, туда, на почтовую станцию! Вели заложить трехместную карету. Мой багаж пусть лакей присоединит к вашему... А ты, моя дорогая, моя любимая жена, останься здесь. И ты, дочка, когда обо всем распорядишься, тоже приходи сюда! Ждите меня в садовом павильоне. Я освобожусь от нее, скажу, что хочу вас проводить, поудобней устроить, обо всем позаботиться, заплатить за проезд. Бедняжка, опираясь на твою доброту, я тебя же обманываю!.. Мы уедем!..

Цецилия. Уедем?.. Дай сказать разумное слово!

Фернандо. Уедем! Не надо ничего говорить!.. Да, мои милые, уедем!

Цецилия и Люция уходят.

(Один.) Уедем?.. Но куда, куда? Удар кинжала — вот исход, он положил бы конец всем страданиям, вверх бы меня в бесчувствие туманного небытия, а за это я отдал бы сейчас все!.. Ты снова несчастен, Фернандо. Вспомни те счастливые дни, когда ты, всем удовлетворенный, противостоял несчастному, желавшему сбросить с себя бремя жизни! Как ты себя чувствовал в те счастливые дни, а сейчас?.. Да, есть счастливые, есть счастливые люди!.. Найди я ее часом раньше, я был бы спасен. Я не свиделся бы со Стеллой, она не свиделась бы со мной; я мог бы убедить себя: «За эти четыре года она позабыла тебя, притерпелась к своему горю». А теперь как я предстану перед ней, что скажу? О, вина, вина моя, каким тяжким бременем ложишься ты на меня в эту минуту. Покинуть обеих милых сердцу! А я в ту минуту, как снова обрел их, сам себе не мил, сам себе жалок. Сердце разрывается!..

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

УСЫПАЛЬНИЦА В САДУ СТЕЛЛЫ

Стелла (одна). Здесь все в цвету, в еще более роскошном цвету, чем обычно, здесь, в дорогом сердцу месте, где я лелеяла надежду обрести вечный покой!.. Но теперь ты уже не влечешь меня, холодная, рыхлая земля — я содрогаюсь при мысли о тебе. Содрогаюсь!.. Ах, не раз в часы мечтаний в своем воображении я уже рисовала себя облаченной в саван, равнодушно стоящей у глубокого склепа, сходящей в могилу, где под твоим вечно живым покровом дано будет успокоиться моему страждущему сердцу. Там тление, подобно ласковому дитяти, высосет мою переполненную горем грудь, и мое существование разрешится отрадным сном небытия... А сейчас... Солнце, ты светишь с небес на усыпальницу!.. Вокруг меня так светло, так просторно, и я этому рада! Он вернулся! И, как по мановению чьей-то руки, весь мир вокруг меня преисполнился любовью... и я — сама жизнь... С его поцелуями я буду впитывать новую, теплую, пламенную жизнь! Жить у него... при нем... с ним... жить с неослабной силой!.. Фернандо!.. Он идет! Тише... Нет, мне почудилось! Здесь, здесь мы встретимся, здесь, у моего увенчанного розами алтаря, среди кустов роз! Эти бутончики я сорву для него... Здесь! Здесь!.. А потом введу его сюда, в мою обитель. Как хорошо, что, несмотря на тесноту, я устроила ее на двоих. Там обычно лежала моя книга, стояла чернильница... Ни книг, ни чернильницы теперь не надо!.. Только бы он пришел!.. Уже опять одна! Ведь он же снова мой? Ведь он же здесь?

Входит Фернандо.

Где ты задержался, любимый мой? Где ты был? Я так долго, так долго одна! (Испуганно.) Что с тобой?

Фернандо. Меня расстроили обе приезжие... Старшая — славная женщина, но она не хочет остаться, не хочет сказать почему, хочет уехать, и все! Пусть уезжает, Стелла.

Стелла. Если ее нельзя уговорить, я не хочу удерживать их насильно. Понимаешь, Фернандо, мне нужно было общество... а теперь (обнимая его), теперь со мной ты, Фернандо!

Фернандо. Успокойся!

Стелла. Дай мне поплакать. Скорей бы прошел этот день. Во мне еще все дрожит!.. Такая радость!.. Все сразу, неожиданно!.. Ты, ты, Фернандо... И едва, едва ты... Фернандо, столько всего я не вынесу.

Фернандо (про себя). Я сам себе жалок! Покинуть ее? (Громко.) Пусты меня, Стелла!

Стелла. Я слышу твой голос, твой любящий голос!.. Стелла, Стелла!.. Ты знаешь, как радостно мне было слышать, когда ты произносил мое имя: «Стелла!» Никто не произносит его так, как ты. Вся сила любви в его звуке. Как живо помню я тот день, когда ты произнес его впервые, когда я почувствовала, что все мое счастье в тебе!

Фернандо. Счастье?

Стелла. Ты как будто подсчитываешь те унылые часы, что я грустила по тебе. Не надо, Фернандо, не надо!.. О, с той минуты, когда я впервые увидела тебя, я все ощутила по-новому. Помнишь тот день в саду у моего дядюшки, когда ты пришел к нам? Мы сидели под большими каштанами за бельведером...

Фернандо (про себя). Она терзает мне сердце! (Громко.) Помню, помню, Стелла!

Стелла. Помнишь, как ты подошел? Не знаю, заметил ли ты, что с первого же мгновения ты завладел моим вниманием? Я, по крайней мере, вскоре заметила, что твои взгляды искали меня. Ах, Фернандо! Дядя принес ноты, ты взял скрипку; и пока ты играл, я беззаботно следила за тобой взглядом, всматривалась в каждую черту твоего лица, и вдруг... во время неожиданной паузы, ты взглянул... на меня! Наши глаза встретились! Как я покраснела, как отвела свой взор! Фернандо, ты это заметил, ведь я же чувствовала, что с той минуты ты часто глядел поверх нотного листа, часто сбивался с такта, что вслед за тобой ошибался и мой дядя. Каждый неверный удар смычка трогал меня до глубины души. Ни разу еще не была мне так сладостна чья-то рассеянность. За сокровища всей земли я не решилась бы взглянуть тебе в лицо. Я вздохнула и ушла.

Фернандо. Ты помнишь все до мельчайших подробностей! (Про себя.) Какая злополучная память!

Стелла. Иногда я себе удивляюсь, отчего так люблю тебя, что сама себя не помню, когда я с тобой; но все у меня перед глазами так живо, словно это было сегодня! Как часто я сама себе все рассказывала, да, Фернандо, очень часто! Как ты и моя подруга, с которой ты познакомился раньше, искали меня, как вы бродили по боскету, как она звала меня: «Стелла», — и ты звал: «Стелла, Стелла!» В то время я еще почти не слышала твоего голоса, и все же сразу узнала, что зовешь меня ты. И как вы меня нашли и как ты взял мою руку! Кто был больше смущен, ты или я? Смущение одного передавалось другому... И та минута положила всему начало; хорошая моя Сара тогда же, в тот самый вечер, так и сказала... Какое блаженство быть в твоих объятиях! Ах, если бы Сара могла поглядеть на мое счастье! Она такая добрая душа. Она пролила много слез, когда я заболела, заболела любовью к тебе. С какой радостью я взяла бы ее с собой, когда ради тебя оставила все!

Фернандо. Оставила все!

Стелла. Тебя это удивляет? Разве это не так? Оставила все! Неужели в моих устах ты можешь истолковать это как упрек? Я еще слишком малым пожертвовала ради тебя.

Фернандо. Еще бы! Оставила дядю, который любил тебя, как родной отец, носил на руках, исполнял все твои прихоти, — этого, по-твоему, мало? Состояние, поместья, которые все были твоими, все стали бы твоими, — это, по-твоему, ничто? Место, где ты выросла, где знала столько радости... подруг?..

Стелла. И все это без тебя, Фернандо? Много ли это стоило по сравнению с твоей любовью? Только когда в моей душе расцвела любовь, да, только тогда я почувствовала, что живу. Правда, должна признаться, что иногда, грустя в одиночестве, я думала: «Почему я не могла вместе с ним наслаждаться всем, что оставила? Почему нам надо было бежать? Почему не пользоваться тем, что принадлежало мне? Неужели дядя отказал бы ему в моей руке?.. Нет, не отказал бы!.. Так почему же тогда бежать?» О, я всегда находила для тебя оправдания! Для тебя недостатка в них у меня не было! Пусть это просто каприз, думала я, — ведь у вас, у мужчин, столько капризов, — пусть это просто каприз: тайно, как свою добычу, похитить девушку... пусть это просто гордость — только она мне нужна, приданого мне не надо! Ты, конечно, понимаешь, что и моя гордость была в этом заинтересована: убедить себя в самых хороших побуждениях с твоей стороны; вот так я и находила тебе оправдания.

Фернандо. Я сокрушен!

Входит Анхен.

Анхен. Простите, сударыня! Где же вы, господин капитан? Все уложено, а теперь вас ждут! Мамзель совсем избегалась, захопоталась, просто замучила всех, а теперь вас ждут!

Стелла. Пойди, Фернандо, проводи их! Заплати за проезд, только скорей возвращайся!

Анхен. А вы разве не едете? Мамзель заказала трехместную карету; ваш слуга уложил уже вещи.

Стелла. Фернандо, здесь какое-то недоразумение...

Фернандо. Девочка что-то путает.

Анхен. Это я-то путаю? Конечно, сударыня, странно, что, познакомившись с мамзель за столом, господин капитан собрались с ней уехать. Должно быть, это на прощанье вы, откушавши, так нежно пожали ей ручку?

Стелла (смущенно). Фернандо!

Фернандо. Что ты слушаешь эту девочку!

Анхен. Не верьте, сударыня! Все упаковано, господин капитан тоже уезжают!

Фернандо. Куда, куда я уезжаю?

Стелла. Оставь нас, Анхен.

Анхен уходит.

Разрешите мои страшные сомнения! Я ничего не боюсь; и все же болтовня девочки пугает меня. Ты взволнован, Фернандо! Ведь я твоя Стелла!..

Фернандо (повернувшись к ней и беря ее руку). Ты — моя Стелла!

Стелла. Ты пугаешь меня, Фернандо! У тебя безумный взгляд!

Фернандо. Стелла! Я негодяй и трус, я бессилен перед тобой! Бежать!.. У меня не хватает мужества вонзить тебе в грудь кинжал! Я хочу тайком отравить, убить тебя, Стелла!

Стелла. Боже мой, боже мой!

Фернандо (дрожа, в неистовстве). Только бы не видеть ее страданий, не слышать ее отчаяния! Бежать!..

Стелла. Я не выдержу! (Она падает и хватается за него.)

Фернандо. Стелла, ты в моих объятиях! Стелла, ты для меня все! Стелла!.. (Холодно.) Я покидаю тебя.

Стелла (смущенно улыбаясь). Меня?

Фернандо (с зубным скрежетом). Тебя! С той женщиной, что ты видела! С той девушкой!

Стелла. У меня темнеет в глазах.

Фернандо. Эта женщина — моя жена!

Стелла смотрит на него остановившимся взглядом и опускает руки.

А девушка — моя дочь! Стелла! (Только сейчас он замечает, что она потеряла сознание.) Стелла! (Он относит ее на скамейку.) Стелла! Помогите! Помогите!

Входит Цецилия и Люция.

Глядите, глядите на нее, на ангела! Глядите! Она мертва! Помогите!

Они хлопчут около нее.

Люция. Она приходит в себя.

Фернандо (молча смотрит на Стеллу). И все из-за меня! Из-за меня! (Уходит.)

Стелла. Кто? Кто?.. (Подымаясь.) Где он? (Падает обратно, смотрит на хлопчущих около нее женщин.) Спасибо! Спасибо!.. Кто вы?

Цецилия. Успокойтесь! Это мы.

Стелла. Вы!.. Вы не уехали? Вы... Боже мой, кто это мне сказал?.. Кто ты?.. Ты? (Хватая Цецилию за руки.) Нет, я этого не перенесу!

Цецилия. Милая, хорошая моя! Ты ангел! Дай мне прижать тебя к сердцу!

Стелла. Скажи мне... это запало мне в душу... скажи мне — ты?..

Цецилия. Я... я его жена!..

Стелла (вскочив и закрывая глаза руками). А я? (В смятении ходит взад и вперед.)

Цецилия. Пойдемте в вашу спальню!

Стелла. О чем ты мне напоминаешь? Что здесь мое? Ужасно! Ужасно!.. Разве это мои деревья, те деревья, что я сажала, что растила? Почему мне все сразу стало таким чужим?.. Отвергнута!.. Потерян! Потерян навеки! Фернандо! Фернандо!

Цецилия. Пойди отыщи отца, Люция!

Стелла. Ради всего святого, не ходи! Ушел! Не зови его! Пусть уходит... Отец!.. Муж!..

Цецилия. Милая, дорогая!

Стелла. Ты любишь меня? Ты прижимаешь меня к сердцу? Нет, нет!.. Оставь меня!.. Оттолкни! (Обнимает ее.) Еще минуточку! Меня скоро не станет. Сердце, сердце мое!..

Люция. Вам нужен покой!

Стелла. Я не могу смотреть на вас! Я отравила вам жизнь! Похитила у вас все! Вы в горе, а я... блаженствую в его объятиях! (Бросается на колени.) Можете вы мне простить?

Цецилия. Не надо, не надо!

Стараются ее поднять.

Стелла. Я буду лежать у ваших ног, стенать, молить бога и вас простить, простить меня! (Вскакивает.) Простить?.. Нет, утешить! Утешить меня! Я не виновата! Ты дал мне его, отец небесный! Я приняла его из твоих рук, как сладостный дар... Оставь меня! У меня разрывается сердце!..

Цецилия. Ты не виновата! Милая, дорогая!

Стелла (обнимая ее). В твоих глазах, на твоих устах начертаны небесные слова. Обними меня! Поддержи! Я изнемогаю! Она простила меня! Она сочувствует моему горю!

Цецилия. Сестра! Сестра моя! Успокойся! Успокойся хоть на мгновение! Верь — тот, кто вложил в наши сердца те чувства, что так часто приносят нам страдания, может уготовать нам также утешение и помощь.

Стелла. Я хочу умереть на твоей груди!

Цецилия. Идемте!

Стелла (после паузы, в неистовстве отпрянув). Оставьте меня! Все оставьте! Видишь, моя душа разрывается от смятения и боли, она изнемогает в несказанных муках... Нет, это невозможно... невозможно! Так вдруг!.. Этого нельзя понять, нельзя перенести...(Некоторое время стоит тихо, глядя в землю, задумавшись, потом подымает глаза, видит обеих женщин, судорожно вздрагивает, вскрикивает и убегает.)

Цецилия. Ступай за ней, Люция. Не спускай с нее глаз.

Люция уходит.

Взгляни, господи, на чад твоих, на их смятение, их горе!.. Страдания многому научили меня. Укрепи мое сердце!.. И если этот узел можно развязать, не разрывай его, господи!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

БУДУАР СТЕЛЛЫ, ОСВЕЩЕННЫЙ ЛУНОЙ

Стелла (держит портрет Фернандо и пробует снять его с подрамника). Ночь, обними, укрой меня своим покровом, укажи мне путь! Я не знаю, куда я иду... Я должна, я хочу уйти далеко-далеко! Но куда? Ах, куда?.. Я изгнана из мною же созданного мира! Неужели мне не бродить больше там, где твоим светом, чистая луна, омыты верхушки моих деревьев, где, осиянные тобой, витают у могилы моей ненаглядной Мины безумно любимые мною тени? Изгнана отсюда, где хранятся все сокровища моей жизни, все счастливые воспоминания?.. Где ты, место, избранное мною для упокоения, место, где я так часто проводила время в слезах и молитве? Изгнана и отсюда, где мне вспоминаются все горести, все радости моей жизни, где я надеялась реять уже усопшей и, тоскуя и томясь, вкушать прошлое?.. Изгнана!.. Стелла, ты молчишь! Слава богу! Твой разум спит, ты не можешь понять, что значит: изгнана! Иначе ты сошла бы с ума!.. Итак... О, как кружится голова!.. Прощай!.. Прощайте!.. Никогда больше не свидимся? В этом слове мне мерещится безучастный взгляд мертвеца! Не свидимся?.. Уезжай, уезжай, Стелла! (Хватает портрет.) И тебя я хотела оставить здесь? (Берет нож и принимается вытаскивать гвозди.) О, хоть бы обеспамятствовать! Хоть бы умереть в смятении чувств, в слезах и стенаниях!.. Так есть, и так будет: ты покинута!.. (Обращая портрет к луне.) Ах, Фернандо, когда ты подошел и я всем сердцем устремилась к тебе, разве ты не почувствовал, как я полагаюсь на твою верность, на твою доброту?.. Не почувствовал, какая святыня пред тобой, когда мое сердце открылось навстречу тебе? И ты не затрепетал, не отшатнулся?.. Не упал? Не спасся бегством? Ты мог просто так, ради развлечения, не задумываясь, сорвать, разорвать и бросить на дороге цвет моей невинности, моего счастья, моей любви... Какое благородство!.. Хорошо благородство!.. Мою юность!.. Золотые дни моей жизни!.. А в глубине души ты затаил коварство... У тебя есть жена! Есть дочь!.. А у меня душа была свободная, чистая, как весеннее утро!.. Жила одной-единственной надеждой!.. Где ты, Стелла? (Смотрит на портрет.) Такой великодушный, такой ласковый! Да, этот взгляд погубил меня!.. Я ненавижу тебя!.. Не гляди! Отвернись... Такой мечтательный, такой милый!.. Нет!.. Нет!.. Ты погубитель!.. Меня?.. Меня?.. Ты?.. Меня?.. (Судорожным движением замахивается ножом на портрет.) Фернандо! (Отворачивается, нож падает у нее из рук, она, рыдая, опускается на пол перед стулом.) Любимый, любимый!.. Все напрасно! Напрасно!

Входит слуга.

Слуга. Как вы изволили приказать, милостивая государыня, лошади поданы к задней калитке. Белье ваше уложено. Не забудьте взять деньги!

Стелла. Портрет!

Слуга подымает нож, вырезает портрет из рамки и свертывает его трубочкой.

Вот деньги.

Слуга. Но зачем?..

Стелла (минутку стоит тихо, обводя взглядом комнату). Идем!

Уходят.

ЗАЛА

Фернандо (один). Оставь, оставь меня! Вот опять ты овладело мною, ужасное смятение!.. Таким холодным, таким омерзительным кажется мне все на свете... словно все ничтожно... словно моя вина ничтожна... А они! Разве я не несчастнее вас? Что можете вы требовать от меня?.. Где конец колебаниям? Тут или там! От начала до конца все продумано! Продумано и передумано! И все мучительнее, все невыносимее! (Хватается за голову.) От чего я в конце концов оттолкнулся! Нигде ничего, ни впереди, ни позади! Нигде ничего, ни совета, ни помощи!.. А они, эти две, эти три прекраснейших создания... Несчастны из-за меня... несчастны без меня... Ах, еще несчастней со мной... Если бы я мог сетовать на судьбу, отчаиваться, молить о прощении... если бы мог провести хоть час в смутной надежде... и, лежа у их ног, вкушать отраду сочувствия моим горестям!.. Где они? Стелла! Ты повержена, ты в смертельной тоске, стена, взываешь к небесам: «Чем согрешила я, сорванный цветок, что ты так караешь меня своим гневом? Чем согрешила я, бедная, что ты послал мне этого злодея?..» Цецилия, жена моя, о жена!.. Горе! Горе мне, тяжкое горе! Сколько радостей — муж, отец, возлюбленный — объединились, чтобы принести мне горе! Прекраснейшие, благороднейшие создания!.. Твой! Твой? Как осознать это тройное несказанное упоение счастьем... И именно оно, овладев тобою, разрывает тебе сердце!.. Каждая требует меня всего... А я? У меня все замкнуто глубоко, глубоко в душе!.. Каждая будет страдать. Стелла! Ты уже страдаешь! Что я похитил у тебя? Веру в себя, твою молодую жизнь!.. Стелла! И я так холоден? (Берет со стола пистолет.) Все-таки на всякий случай! (Заряжает пистолет.)

Входит Цецилия.

Цецилия. Мой дорогой! Так как же ты? (Видит пистолет.) Я вижу, ты уже собрался в дорогу? (Фернандо кладет пистолет обратно.) Друг мой! Ты как будто успокоился. Можно поговорить с тобой?

Фернандо. О чем, Цецилия? О чем, жена?

Цецилия. Не называй меня так, пока я не выскажу тебе все. Мы, правда, в полном смятении, неужели нельзя все уладить? Я много выстрадала, и поэтому не надо никаких насильственных решений. Ты слышишь меня, Фернандо?

Фернандо. Я слушаю.

Цецилия. Отнесись к моим словам серьезно! Я только женщина, озабоченная, скорбная женщина, но я приняла решение... Фернандо... я решилась... я оставляю тебя!

Фернандо (насмешливо). Только и всего?

Цецилия. По-твоему, достаточно уйти тайком, чтобы покинуть того, кого любишь?

Фернандо. Цецилия!

Цецилия. Я тебя ни в чем не упрекаю; и не думай, что это большая жертва с моей стороны. До сего дня я скорбела о том, что потеряла тебя, я горевала о том, что не в силах была изменить. Я снова нашла тебя, твое присутствие вдохнуло в меня новую жизнь, новые силы. Фернандо, я чувствую, что моя любовь к тебе не своекорыстна, это не страсть любовницы, готовой все отдать, только бы предмет ее любви был с ней. Фернандо! Мое сердце полно теплым чувством к тебе; это чувство жены, которая из любви к мужу может пожертвовать даже своей любовью.

Фернандо. Нет, нет!

Цецилия. Ты вздрогнул?

Фернандо. Ты мучаешь меня.

Цецилия. Будь счастлив! У меня есть дочь... и друг в твоём лице. Мы разойдемся, но не расстанемся. Я буду жить вдали от тебя и буду свидетельницей твоего счастья. Я хочу быть твоим близким другом, хочу, чтобы ты поверял моему сердцу свои радости и свои горести. В твоих письмах будет вся моя жизнь, и мои пусть будут для тебя желанными гостями... Так ты останешься моим, и вы со Стеллой не будете изгнаны отсюда куда-то на край света, нас с ней связывают любовь, сочувствие! Итак, Фернандо, дай мне на том твою руку.

Фернандо. Для шуток это жестоко, для серьезного разговора непостижимо!.. Будь что будет, дорогая! Холодным разумом этот узел не распутать. Твои слова звучат прекрасно, слушать их сладостно. Если бы только не чувствовать, что под ними кроется куда больше, что ты сама себя обманываешь, что ты ослеплена, полагая, будто придуманные утешения могут унять твои душевные муки. Нет, Цецилия! Нет, жена!.. Ты — моя... я останусь твоим. К чему слова? К чему приводить тебе всякие «потому»? Все «потому» равносильны лжи. Я останусь твоим или...

Цецилия. Ну, хорошо! А Стелла?..

Фернандо вскакивает и, как безумный, мечется по комнате.

Кто себя обманывает? Кто усыпляет свои муки холодным, не прочувствованным, непродуманным, преходящим утешением? Да, вы мужчины, верны себе.

Фернандо. Не гордись своим спокойствием... Стелла! Стелла страдает! Вдали от меня и тебя она выплачет свое горе. Оставь ее в покое! Оставь в покое меня!

Цецилия. Я думаю, одиночество и сознание того, что мы вместе, принесло бы утешение ее нежной душе. Сейчас она казнит себя упреками. Если я покину тебя, она вечно будет считать меня несчастнее, чем это есть. Она судит по себе. У нее ангельская душа, она не могла бы жить спокойно, не могла бы любить, если бы чувствовала, что ее счастье — краденое. Для нее лучше...

Фернандо. Пусть уезжает! Пусть идет в монастырь!

Цецилия. А потом я опять думаю: чего ради ей заключать себя в монастырские стены? Чем она согрешила, чтобы отчаиваться и скорбеть, чтобы оплакивать свои лучшие годы, годы расцвета, избытка чувств, манящих надежд? Проститься с любезным ее сердцу окружающим миром... с тем, кого она так пламенно любит!.. С тем, кто ее... Фернандо, ведь ты же любишь ее?

Фернандо. К чему эти речи? Кто ты, — злой гений во образе моей жены? Зачем бередишь ты мои раны? Зачем рвешь то, что уже порвано? Разве я и без того не потрясен, не повержен? Оставь меня! Предоставь меня моей судьбе!.. И да смилуется над вами господь! (Опускается в кресло.)

Цецилия (подходит к нему и берет его руку). Жил некогда в Германии граф...

Фернандо хочет вскочить, она удерживает его.

Он чувствовал потребность выполнить долг благочестия и, покинув супругу и владения, отправился на освобождение Святой земли.

Фернандо. Вот как!

Цецилия. Он был человек достойный, простился с любимой женой, доверил ей дом и хозяйство, обнял ее и уехал. Он проехал много стран, воевал и был взят в плен. Дочь того, чьим невольником он стал, пожалела его, она сняла с него оковы, и они спаслись бегством. Она — его милый оруженосец — была ему верным спутником в опасной военной жизни. Увенчанный славой победы, отправился он в обратный путь... к своей благородной супруге! А как же его спасительница?.. Он был человеколюбив!.. Он верил в человеколюбие и взял ее с собой... И вот уже рачительная хозяйка спешит навстречу супругу, видит, что ее верность, доверие, все ее надежды вознаграждены, он снова в ее объятиях. И рядом с ним его рыцари, сойдя с коней, с заслуженной гордостью ступают по родной земле; его слуги сгружают трофейную добычу и кладут к ее ногам, а она уже мысленно убирает все в шкафы, украшает трофеями замок, одаряет друзей. «Благородная, дорогая супруга, самое ценное сокровище еще не предстало пред тобой!» Кто это, опустив на лицо покрывало, приближается вместе со свитой? Тихо сходит она с коня... «Вот, — воскликнул граф, беря ее за руку и подводя к жене, — вот, посмотри на все это... и на нее! Прими все из ее рук, прими меня из ее рук! Она сняла с моей шеи оковы, она повелевала ветрам, она услуживала мне, ходила за мной, она заработала меня!.. Чем я обязан ей? Вот она!.. Награди ее!»

Фернандо положил руки на стол и, рыдая, опустил на них голову.

Верная жена обняла ее и воскликнула, воскликнула, обливаясь слезами: «Возьми все, что я могу тебе дать! Возьми половину того, кто безраздельно твой... Возьми его безраздельно! Оставь его безраздельно мне! Пусть он принадлежит каждой из нас и ни одна ничего не отнимает у другой... И мы обе — твои!» — воскликнула она, обнимая его, припадая к его ногам. Обе они взяли его руки, обе обняли его. И на небесах господь бог возрадовался, увидя такую любовь; его святой наместник на земле благословил ее. А их любовь и согласие принесли счастье их единому дому, их единому ложу и их единой гробнице.

Фернандо. Боже праведный, в тягостные минуты ты ниспосылаешь нам своих ангелов, даруй же нам силу быть достойными твоих небесных посланцев!.. Моя жена!..

Снова опускает голову на стол.

Цецилия (открывает дверь в будуар и зовет). Стелла!

Стелла (бросаясь ей на шею). Боже мой, боже мой!

Фернандо вскакивает, собираясь бежать.

Цецилия (удерживает его). Стелла! Возьми половину того, кто безраздельно твой, — ты спасла его, спасла от себя самого, ты вернула его мне!

Фернандо. Стелла! (Склоняется к ней.)

Стелла. Я не могу постичь!

Цецилия. Зато ты чувствуешь!

Стелла (обнимая его). Мне можно?..

Цецилия. Ты благодарна мне, беглянка, что я верну тебя?

Стелла (обнимая ее). О, ты!.. Ты...

Фернандо (обнимая обеих). Мои, мои!

Стелла (прильнув к нему, берет его руку). Я твоя!

Цецилия (обнимая его, берет его руку). Мы твои!

Комментарии

Пьеса написана в 1775 году, напечатана в начале 1776 года. Впоследствии Гете переработал конец, и второй вариант появился в томе 6 его сочинений в 1806 году.

Если в «Клавиге» проблема любви и брака решается в традиционном нравственном духе, то в «Стелле» Гете дает смелое и неожиданное решение темы. Его герой любит двух женщин и любим ими, причем обе знают друг о друге. В духе сентиментализма Гете превозносит чувство над рассудком, но при этом идет дальше всех отрицателей мещанской морали. В первом варианте пьеса заканчивалась любовным согласием между героем и обеими возлюбленными, устанавливавшими брак втроем. Молодой Гете спокойно выдержал нападки моралистов, в том числе церковных (в Гамбурге по требованию духовенства пьеса была снята с репертуара), но тридцать лет спустя все же счел необходимым коренным образом изменить его. Различие развязки обусловило разные жанровые определения двух вариантов. Первый имел подзаголовок: «Пьеса для любящих», второй вариант был обозначен Гете как «трагедия».

В настоящем издании напечатан перевод первоначального варианта, но в конце примечаний к пьесе читатель найдет внесенные Гете изменения.

В статье «О немецком театре» (1815) Гете дал характеристику действующих лиц пьесы, которую мы приводим:

«За роль Фернандо охотно возьмется любой не слишком молодой человек, который играет героев и первых любовников, и будет пытаться изобразить с нарастающим напряжением то мучительное смятение, в котором он окажется.

Распределить женские роли уже затруднительнее. Их пять, и все они с тщательно выписанными оттенками характеров. Актриса, которая возьмет на себя роль Стеллы, должна представить нам не единственно лишь нерушимую привязанность, горячую любовь и пылкую восторженность, она должна передать нам свои чувства, увлечь нас за собою.

Цецилия, сначала слабая и подавленная, предстает во всем блеске как героиня свободной души и ума.

Люция должна изобразить характер, который свободно сложился в укромной жизни; она не чувствует оказываемого на нее внешнего нажима и даже отталкивает его. Притом ни следа любопытства или самомнения проявиться не должно.

Почтмейстерша отнюдь не сварливая старуха, а молодая, веселая, подвижная вдовушка, которая только и хочет, что выйти замуж, чтобы ее лучше слушались.

Анхен. Желательно, чтобы она была маленькая девочка; в устах ребенка, когда он говорит отчетливо, выступает яснее решимость того, что он должен сказать». (И.-В. Гете. Об искусстве. М., «Искусство», 1975, с. 405–406. (Перевод К. Богатырева.)

В почтовом доме. — Так назывались остановочные пункты движения конных экипажей, перевозивших пассажиров, а заодно и письма по дорогам страны.

...я бы тебя своим лейбкучером сделала — то есть своим личным кучером.

...что он проливал у меня на груди, оплакивая страждущее человечество! — Типично для литературы сентиментализма, идет от героя «Новой Элоизы» (1761) Жан-Жака Руссо, характерно и для Вертера. В дальнейшем это настроение вылилось в философию «мировой скорби» в литературе романтизма.

...облик человека сам лучше всего расскажет о нем... — Отголосок теорий друга Гете швейцарского пастора Иоганна Каспара Лафатера, автора «Физиогномики», утверждавшего, что определенным характерам соответствуют типичные внешние черты.

Ринальдо, — Герой поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1575) влюбился в волшебницу Армиду, увидев ее полуобнаженной и с распущенными волосами (песнь XVI, строфа 13).

...помогал подавлять умирающую свободу благородных корсиканцев... — Имеется в виду борьба корсиканцев под руководством Паоли против французов и генуэзцев в 1768–1769 гг.

Боскет (от франц. bosquet) — рошица в искусственных садах и парках.

Жил некогда в Германии граф... — Здесь рассказывается легенда о некоем графе Глейхене, которую Гете вычитал в «Историческом и критическом словаре» (1697–1706) Пьера Бейля.

А. Анигст

Изменения, внесенные Гете в последующие годы.

Действие первое (от слов: «Мадам Зоммер. Моя дочь поступает к ней в услужение», — до слов: «Люция. Тем лучше!»).

Мадам Зоммер. Моя дочь будет жить у нее в камеристках.

Станционная смотрительница. Желаю вам всяческой удачи, мамзель!

Люция. А я желаю, чтобы она мне понравилась.

Станционная смотрительница. Только если у вас очень уж странный вкус, вам может не понравиться обхождение баронессы.

Действие третье (от слов: «Управляющий. Еще слава богу...» — до слов: «Входит слуга»).

Фернандо. Ну, слушай!

Управляющий. Как ваша супруга? Как дочь?

Фернандо. Я их не нашел. Сам я не решился поехать в город; но, наведя надежные справки, узнал, что она доверилась некоему купцу, прикинувшемуся верным другом, а он, пообещав более высокие проценты, выманил у нее те деньги, что я ей оставил. Под предлогом отъезда в деревню она покинула те места, исчезла бесследно и живет, по всей вероятности, на скудный заработок от продажи рукоделий своих и дочерних. Ты ведь знаешь, у нее достанет мужества и силы воли так распорядиться своей судьбой.

Управляющий. И вы вернулись сюда. Мы вам простим такую долгую отлучку.

Фернандо. Где только я не был!..

Управляющий. Не живись мне так хорошо дома с женой и двумя детьми, я бы позавидовал, что вы снова пустились странствовать по свету. Теперь-то вы останетесь у нас?

Фернандо. Дай-то бог!

Управляющий. Ведь в конце концов ничего другого, ничего лучшего найти нельзя.

Фернандо. Да, если б можно было забыть старое!

Управляющий. То старое, что приносило нам и радости и огорчения. Я отлично все помню, помню, как мы находили Цецилию такой приятной, как настойчиво ухаживали за ней и как не могли вовремя расстаться с юношеским свободолобием.

Фернандо. И все же, какое это было чудное, счастливое время!

Управляющий. Помню, как она подарила нам веселую, живую дочурку, но сама в то же время утратила какую-то долю веселости и очарования.

Фернандо. Пощади меня, не вспоминай эти страницы моей жизни!

Управляющий. Помню, как мы присматривались и здесь, и там, и там, и тут, как встретили наконец этого ангела, как уже и речи не было, куда еще метнуться, куда сунуться, надо было решать, которую из двух сделать несчастной; помню, как мы в конце концов сообразовали продать имения, когда представился к тому случай, как отделались от них с некоторым убытком, похитили нашего ангела и привезли сюда, в изгнание, юную красавицу, не знавшую ни себя самой, ни жизни.

Фернандо. Как видно, ты все еще любишь поучать и болтать лишнее.

Управляющий. А разве у меня не было случая кое-чему научиться? Разве я не был вашим наперсником? Ведь когда вас и здесь стало обуревать желание уехать, уж не знаю, только ли из-за стремления отыскать жену и дочь или вас по-прежнему снедало какое-то тайное беспокойство, ведь и тогда я должен был во многом вам споспешествовать...

Фернандо. И на этот раз я уехал так далеко!

Управляющий. Не уезжайте теперь, и все уладится. (Уходит.)

Действие пятое (от слов: «Фернандо. Боже праведный...» — до конца пьесы).

Фернандо. Боже мой! Какой луч надежды!

Цецилия. Она здесь! Она наша! (Подходя к двери будуара.) Стелла!

Фернандо. Оставь ее! Оставь меня! (Хочет уйти.)

Цецилия. Не уходи! Выслушай меня!

Фернандо. Слов сказано достаточно. Чему должно быть, то и будет. Оставь меня! В эту минуту я не готов предстать пред вами обеими. (Уходит.)

Цецилия. Несчастный! Скажет несколько отрывистых слов, а дружеским уговорам противится, и она такая же! И все же я добьюсь желаемого. (Подходит к двери.) Стелла! Послушай, Стелла!

Входит Люция.

Люция. Не зови ее! Она легла, она легла на минуту, чтобы успокоилась боль. Маменька, она очень страдает, я боюсь, что по собственной воле; я боюсь, что она умирает.

Цецилия. Что ты говоришь?

Люция. Я боюсь, что она приняла не лекарство.

Цецилия. И все мои надежды напрасны? Ах, если бы ты ошибалась... Какой ужас, какой ужас...

Стелла (в дверях). Кто меня зовет? Зачем вы разбудили меня? Который час? Зачем разбудили в такую рань?

Люция. Сейчас не раннее утро. Уже вечер.

Стелла. Вот и правильно, вот и хорошо, для меня уже вечер.

Цецилия. Так ты обманула нас!

Стелла. Кто тебя обманул? Ты сама.

Цецилия. Я вернула тебя домой; я надеялась...

Стелла. Нет, мне уже не жить.

Цецилия. Ах, почему я удержала тебя, не дала тебе уехать, поспешить в дальний путь, на край света!

Стелла. Я уже на краю.

Цецилия (обращаясь к Люции, которая в страхе мечется по комнате). Чего ты медлишь? Скорей зови на помощь!

Стелла (удерживая Люцию). Нет, подожди! (С их помощью она делает несколько шагов.) Я думала, вы будете мне опорой в жизни. Так проводите же меня в могилу.

Они медленно ведут ее на авансцену и опускают в кресло с правой стороны.

Цецилия. Беги, Люция, беги! Зови на помощь, на помощь!

Люция уходит.

Стелла. Помощь мне уже оказана!

Цецилия. Не того я ждала, не на то надеялась!

Стелла. Ты добрая, терпеливая, надеющаяся страдалница!

Цецилия. Какая ужасная судьба!

Стелла. Судьба наносит глубокие, но часто излечимые раны! Раны, которые сердце наносит сердцу, которые сердце само наносит себе, — эти раны неизлечимы! И поэтому... дайте мне умереть!

Входит Фернандо.

Фернандо. Люция поторопилась, или ее слова правда? Скажи, что неправда, Цецилия, или я прокляну твое великодушие, твое долготерпение.

Цецилия. Сердце ни в чем не упрекает меня. Добрая воля дороже успеха. Поспешите за помощью! Она еще жива, она еще не ушла от нас.

Стелла (подымает глаза, берет Фернандо за руку). Я рада тебе. Не отнимай руки. (К Цецилии.) Дай руку и ты. «Все ради любви» было лозунгом моей жизни. Все ради любви, и смерть тоже. В самые блаженные минуты нашей жизни мы молчали и понимали друг друга (старается соединить руки обоих супругов), и сейчас дайте мне помолчать и отдохнуть! (Опускает голову на правую руку, лежащую на столе.)

Фернандо. Да, Стелла, помолчим и отдохнем. (Медленно подходит к столу с левой стороны.)

Цецилия (взволнованно). Люция не идет, никто не идет. Неужели ни в доме, ни по соседству нет ни души, как в пустыне? Возьми себя в руки, Фернандо! Она еще жива. Сотни людей вставали со смертного ложа, вставали из могилы. Фернандо, она еще жива. И если мы покинуты всеми, если здесь нет ни врача, ни лекарства, ведь есть же на небесах тот, кто нас слышит! (Становясь на колени около Стеллы.) Услышь меня, боже! Внемли моим мольбам! Сохрани ее нам, не дай ей умереть!

Фернандо берет левой рукой пистолет и медленно уходит.

(По-прежнему сжимая левую руку Стеллы.) Да, она еще жива; рука еще теплая, милая, милая рука. Я не отпущу тебя. Я сжимаю тебя со всей силой веры и любви. Нет, это не самообман. Горячая молитва сильнее земной помощи. (Вставая и оглядываясь.) Он ушел, без слов, без надежды. Куда? О, только бы он не решился на тот шаг, на который его упорно толкала вся его бурная жизнь! Скорей к нему! (Уходя,

оглядывается на Стеллу.) А ее, беспомощную, я оставлю одну? Боже правый! И в эти страшные минуты я разрываюсь между ними двумя и не могу ни разлучить, ни соединить их.

Вдали слышен выстрел.

Боже мой! (Хочет бежать на выстрел.)

Стелла (с трудом приподнимаясь). Что это? Цецилия, ты так далеко; подойди поближе, не покидай меня! Я так боюсь. О, как мне страшно! Я вижу кровь! Неужто моя кровь? Нет, не моя кровь. Я не ранена, но смертельно больна... И все же это моя кровь!

Входит Люция.

Люция. Маменька, помогите, помогите! Я бегу за помощью, за врачом, я разослала людей. Но, ах, как мне тебе сказать? Здесь нужна совсем другая помощь. Отец погиб от собственной руки; он истекает кровью.

Цецилия хочет бежать, Люция удерживает ее.

Нет, не ходите туда, маменька! Помочь ему нельзя, вид его приводит в отчаяние!

Стелла (внимательно слушавшая их, приподнявшись в кресле, берет Цецилию за руку). Значит, свершилось? (Поднявшись и опираясь на Цецилию и Люцию.) Идемте! Силы вернулись, идемте к нему! Я хочу умереть рядом с ним!

Цецилия. Ты шатаешься, у тебя подгибаются колени. Мы не донесем тебя. Я тоже едва держусь на ногах.

Стелла (опускается у кресла на пол). Итак, конец! Иди туда ты, иди к нему, кому ты принадлежишь. Прими его последний стон, его последний вздох. Он твой супруг. Ты медлишь? Прошу, заклинаю тебя. Твое колебание волнует меня. (Возбужденно, но слабо.) Подумай, ведь он один, иди!

Цецилия стремительно уходит.

Люция. Я не покину тебя, я останусь с тобой.

Стелла. Нет, Люция! Если ты хочешь мне добра, поспеши туда! Иди! Иди! Дай мне отдохнуть! Крылья любви сломаны, они не отнесут меня к нему. Ты молода и здорова. Там, где замолкла любовь, должен действовать долг. Иди к тому, кому ты принадлежишь! Он твой отец. Знаешь ты, что это значит? Иди! Если ты любишь меня, если хочешь меня успокоить, иди!

Люция медленно уходит.

Стелла (падая). А я умираю одна.

Перевод И. Татариновой